

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (К ВОПРОСУ О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ)

Г.В. Можяева, Н.А. Мишанкина

В статье отражены результаты исследования дискурса историографических источников как единого информационного объекта для выявления всех видов информации, содержащейся в нем, и выстраивание модели информационного поля историка. Оригинальность подхода основывается на смещении фокуса исследования в область информационного потенциала языкового кода текста.

Основным результатом стало выявление возможностей применения информационного подхода, а также применение лингвистических методик для «развертывания» латентной информации, содержащейся в историографическом тексте.

CONTENT-ANALYSIS OF HISTORIOGRAPHIC SOURCE (ON THE SUBJECT OF INTERDISCIPLINARITY OF LINGUISTIC METHODS)

G.V. Mozhaeva, N.A. Mishankina

In the article are reflected the results of research of a discourse historiographic sources as uniform information object for revealing all kinds of The information contained in it and forming of model of information field of the historian. Originality of the approach is based on displacement of focus of research in area of information potential of a language code of the text.

The basic result became application of the information approach and linguistic techniques for «expansion» of the latent information contained in the historiographic text.

Настоящая работа посвящена анализу историографического источника с позиций теории информации. Информационный подход предполагает обращение к нарративу на качественно новом уровне и позволяет сместить внимание исследователя: в поле зрения в этом случае попадает не только открытая текстовая информация, доступная при традиционном текстовом анализе, но и латентно присутствующая в источнике.

В нашей работе мы исходим из того, что любой текстовый (в том числе и историографический) источник – это результат деятельности

человека по отбору, осмыслению, накоплению и кодированию информации. Именно поэтому текст отражает модель мира (или картину мира) его автора, включающую как фактографическую информационную составляющую, так и субъективные смыслы, передающие информацию об авторском отношении к объекту описания. Мы полагаем, что эта модель может быть максимально эксплицирована посредством применения информационного подхода, предполагающего применение междисциплинарных методик анализа.

Данный подход в нашем случае базируется на привлечении категорий, непосредственно связанных с информационными взаимодействиями. Такими категориями являются *информационное поле* и *информационная среда*, в которой существуют источник и его автор. Информационное поле представляет собой часть информационной среды общества (эпохи) и определяется объемом информации, которой владеет человек, доступными ему каналами получения информации, характером и способами информационных взаимодействий. Характер и объем информационного поля зависят от многих социокультурных, экономических и политических факторов. Существование и различие информационных полей напрямую связаны с неравномерностью распределения информации в различных синхронных источниках. Мы полагаем, что *информационное поле* (как и информационная среда), в свою очередь, тесно связано с понятием картины мира. Информационное поле субъекта – это наиболее актуальная часть его картины мира, связанная с функционированием структур знания, это представления об объективном мире и происходящих в нем событиях. Информационное поле, его объем, структура неизбежно отражаются в текстах, продуцируемых субъектом в виде фактографической информации. Информационная среда – знаниевая часть социокультурной модели мира, характерная для определенного периода существования и развития общества. Информационная среда, как и модель мира, выполняет консолидирующую функцию, но на основе осознанного знания, на основе определения доминирующих информационных объектов и потоков и признания той или иной информационной структуры в качестве ведущей для моделирования знания.

Исследование текстового источника с позиций теории информации и моделирование информационного поля (информационной среды) позволят выявить соотношение объективной (информационное поле) и субъективной (авторские интенции) информации в текстовом источнике, определить степень авторской заинтересованности в моделировании информационных потоков и сопоставить информационные поля разных источников.

В качестве материала информационного исследования не случайно привлечены труды русских историков. Историографический источник – это источник особого типа: он создается с целью передачи исторической, общественно значимой информации последующим поколениям. При этом информация в таком источнике представляется как объективная, автор претендует на непредвзятое изложение событий. Мы полагаем, что историографический текст, помимо открытой информации, содержит значительный пласт информации латентной, позволяющей раскрыть способы моделирования исторической информации. Кроме того, информационный анализ историографического источника позволит выявить характер взаимоотношений столичной и провинциальной историографии в России во второй половине XVIII века.

Проблема взаимоотношений столичной и провинциальной историографий слабо исследована в современной историографии. Предварительный анализ источников данного типа позволяет сделать подобное предположение. Утверждение о заимствовании провинциальными историками текстов и идей столичных историографов, оценка реальной роли провинциальных историков в становлении российской историографии требуют проведения комплексного междисциплинарного исследования информационного потенциала источников.

XVIII век по праву считается временем становления национальной исторической науки в России. Процесс превращения средневековой российской историографии в научную в первую очередь базировался на внедрении новоевропейского рационального способа мышления. Сам процесс протекал как бы на двух уровнях: в виде упрочения так называемой большой, или общерусской, историографии и историографии провинциальной. Между этими субисториографиями устанавливались определенные взаимосвязи, одинаково значимые для исторической мысли в целом [6].

Анализ творчества провинциальных историков показывает, что они занимались в основном сбором эмпирического материала, создавая тем самым источниковую базу для развития столичной историографии (см. по этому вопросу [6, 7]). Развитию источниковедения, сбору эмпирического материала содействовала политика русских цариц Елизаветы Петровны и Екатерины II, которые предприняли ряд мер для сбора «русской старины»: экспедиции по русскому Северу, «ломоносовская анкета», призывавшая образованных людей России искать памятники старины и сдавать их на хранение в архивы, и т.д. На археографическую деятельность общество ориентировала ломоносовская анкета 1760 года, предлагавшая присылать в Академию наук местные исторические документы. Необходимость собирания источников обосновывалась и

научно-познавательными задачами. Важным становится включение источника в решение проблем познания, осмысления исторического процесса. Главной же задачей историка становится задача источниковой обеспеченности трудов, пронизанных новыми методологическими подходами к изучению прошлого.

Во второй половине XVIII столетия начала развиваться и кружковая деятельность, положившая начало формированию профессионального сообщества историков в России. Любопытно, что первые исторические кружки возникли практически одновременно: в столице – «Общество истории и древностей российских», в провинции – кружок архангелогородских любителей старины «Общества для исторических исследований». Возникновение обществ не было случайностью. Скорее, оно стало результатом развития науки, возрастающего интереса к прошлому и потребностей в просвещении народа. Общественные деятели второй половины XVIII века искали организационные формы, которые дали бы возможность бороться за просвещение в условиях относительной независимости от государственного аппарата [9]. Одной из таких форм и стали «вольные» научные общества. Деятельность этих обществ, хотя на первых порах она и оказалась сведена к простому собиранию и сохранению исторических материалов, способствовала не только развитию профессионального исторического знания, но и широкой популяризации истории.

Все анализируемые в работе тексты связаны с эпохой Петра I, освещением и оценкой его деятельности. Интерес к деятельности Петра I являлся одной из характерных черт историографии XVIII века. В контексте общего историографического процесса труды историков о Петре I – прямой результат усилий самого царя, направленных на внедрение в традиционную русскую культуру новоевропейского научного сознания. Петровский эксперимент положил начало формированию в XVIII века своеобразной национальной модели рационалистической исторической мысли. Господствующий на данном этапе стиль мышления концентрировал внимание историков на «образе правления», свойственном России как одной из европейских держав. Центральное место в этих характеристиках занимали «деяния» монархов, то есть прежде всего их умение управлять народом для всеобщей пользы, а в основе выяснения причинно-следственных связей между событиями лежало преувеличенное представление о роли монархов и других выдающихся личностей.

В зависимости от своего опыта авторы XVIII века освещали разные аспекты деятельности государей. Эти различия определили своеобразную специализацию в исследовательском труде. Изучение роли правителей и дворянства в общегосударственном масштабе занимало импер-

скую историографию. Провинциальная историография дополняла ее освещением политики монархов в отдельных землях, в сословном строительстве, в экономической и других сферах.

Наиболее яркими представителями провинциальной историографии являлись историки-самоучки В.В. Крестинин, И.И. Голиков и др. Имя Ивана Ивановича Голикова, хорошо знакомое образованному обществу конца XVIII – первой половины XIX века, в отечественную историографию вошло прежде всего благодаря его уникальному 30-томному сочинению о Петре I и его эпохе. Этот труд, написанный непрофессиональным историком, оказался наиболее значительным среди всех публикаций о петровской эпохе из работ, появившихся после смерти реформатора, и примерно на полвека определил основные направления в изучении истории Петра Великого.

Как уже упоминалось выше, историческая историография XVIII века отражает процесс превращения средневековой российской историографии в научную, основанную на внедрении новоевропейского рационального способа мышления. Такой способ мышления определяется как научный в силу того, что отвечает определенным критериям, включающим, в первую очередь, опору на широкую фактографию, стремление к объективации знания за счет приведения данных из других научных источников, логическую систему аргументации, отказ от эмоциональной авторской оценки событий.

Как справедливо отмечает Р.М. Фрумкина: «Наука – это особый социальный институт, базирующийся, среди прочего, на принципе преемственности. Начинающий ученый исходит не только из уже накопленных в науке результатов. Кроме результатов, ему всегда предъявлен некоторый *канон*, предписывающий общепринятый способ *перехода* от "предзнания" к артикулированной постановке проблемы» [10]. Становление науки, научного мышления, научного представления знания тесно связано с формированием основных параметров научного дискурса: способов представления научных результатов в текстах. Научный текст необходимо должен отвечать некоторым обязательным требованиям, которые в современном научном дискурсе вполне четко осознаются, во-первых, как способы построения научного текста, отвечающие основным параметрам научного рассуждения, и, во-вторых, как языковые черты научного стиля речи.

Мы считаем, что позиционирование русской провинциальной историографии как вторичной по отношению к столичной неизбежно должно было отразиться на качестве построения текста историографического источника, принадлежащего провинциальному автору. В свете формирования принципов научности в русской историографии в большей сте-

пени этим принципам должны отвечать тексты столичных историографов, нежели провинциальных.

Поэтому мы полагаем, что на первых этапах построения информационного поля историографического источника как источника научного необходимо, во-первых, определить основные параметры объективной фактографической информации, содержащейся в текстах.

Для передачи такого рода информации в языке существуют определенные группы лексики, к каковым относятся, например, различные *имена собственные*: антропонимы, топонимы, этнонимы, которые позволяют однозначно назвать конкретный объект и направить на него внимание. *Антропонимы* называют людей и косвенно указывают на информацию, связанную с событиями их жизни, на исторический контекст. *Топонимы* определяют географию описываемых событий и также косвенно указывают на событийную канву. *Этнонимы* называют страны и народы и выполняют ту же функцию.

Уточнить фактографические параметры текста позволяют *единицы с количественной семантикой*. В первую очередь это касается числительных, обозначающих *даты*, – этот тип языковых конструкций позволяет установить точную референцию временных координат. Немалое значение для историографического текста имеет и точное обозначение количества чего-либо, выражаемое посредством использования количественных числительных. *Единицы, обозначающие время*, конечно же, не столь точно указывают на временной отрезок, как числительные, но тем не менее свидетельствуют о том, что автор пытается дифференцировать временной поток, соотносить его с событийным рядом.

Во-вторых, информационное поле текста (и, соответственно, автора) во многом определяется не только количеством и составом имен, имеющих точную референцию, но и ссылками на другие тексты, привлекаемые в качестве источников информации, – *цитаты*. Определение характера цитации позволит выявить контрагентов автора текста в информационном взаимодействии и качество информации, получаемой от него.

В-третьих, для определения соотношения объективной и субъективной информации, а также уровня научной аналитичности, по нашему мнению, важно определить характер *оценочности* в тексте.

Аксиологическая деятельность человека носит поэтапный характер и представляет собой два основных вида операций по обработке информации [4]. Принято говорить о двух типах оценки или двух уровнях оценочной деятельности: а) сенсорная оценка; б) рациональная оценка. В первом случае «процессы и события составляют среду физического и психического погружения человека в действительность. Их восприни-

мает субъект прямого контакта, он их и оценивает. Оценка не нуждается ни в какой мотивировке, кроме отсылки к собственным ощущениям». Второй тип (или этап) оценки представляет собой результат анализа первичных ощущений, перевод на уровень абстрактного мышления и рационализацию оценки, отказ от эмоциональной реакции на объект аксиологической деятельности [1, с.190].

Сенсорная оценка тесно связана с субъективной эмоцией: такая «оценка как бы впитывает в себя эмоции, и параметры эмоции и оценки совпадают» [5, с. 45]. Эта оценка не опирается на внешние параметры и условия, она целиком и полностью выражает субъективное отношение автора текста к описываемому событию, факту, явлению. Лексические единицы, выражающие эмоционально-оценочное отношение говорящего, как правило, способны вызвать у адресата эмоциональную реакцию, ориентированы на экспрессивное воздействие.

Рациональная оценка, напротив, ориентирована на логику, рациональное осмысление и стремится к объективности, опираясь на общественные представления о норме. Она отражает объективные, выработанные этническим коллективом, представления о нормальном развитии событий.

Безусловно, всякий текст содержит лексические единицы, выражающие оба типа оценки, но соотношение их различно в зависимости от функциональной направленности текста. Научный текст ориентирован, в первую очередь, на передачу объективной информации фактографического и аналитического характера, на создание объективной рациональной модели объекта описания, поэтому эмоциональная оценка должна проявляться в нем в наименьшей степени. На создание эмоционального образа в большей степени ориентирован текст литературный и публицистический.

В-четвертых, кроме представленных лексически параметров историографического текста, можно предположить, что субъективные и объективные установки авторов проявляются и на уровне менее очевидном – на уровне коммуникативной организации текстового пространства, проявляющейся в семантике *местоимений* и *грамматических маркерах*. Эти неявные параметры текста позволяют делать выводы о *субъективной информации*: психологических установках автора и его собственном позиционировании по отношению к потенциальному читателю.

Наиболее оптимальной для выявления названных аспектов текста историографического источника нам представляется методика контент-анализа. Данная методика применяется в самых различных гуманитарных исследованиях. Начиная с 1950-х годов контент-анализ как иссле-

довательский метод активно используется практически во всех науках, так или иначе практикующих анализ текстовых источников, – в теории массовой коммуникации, в социологии, политологии, истории и источниковедении, в культурологии, литературоведении, прикладной лингвистике, психологии и психиатрии, получая, таким образом, статус междисциплинарного метода. Данный метод является одним из наиболее аналитичных и в силу этого подходит для обработки больших информационных потоков. Методика контент-анализа схематична и прозрачна, связано это, прежде всего, с тем, что основа этого метода – количественная обработка текста. «Сущность КА заключается в том, чтобы по внешним – количественным характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения о содержании» [2, с. 247]. Наиболее значимым этапом любого вида контент-анализа (традиционного и автоматизированного) является интерпретация результатов, и именно здесь возможен синтез историографических и лингвистических подходов.

Итак, первым этапом описания информационных полей, представленных в текстах историографических источников, является выявление так называемых референтных языковых единиц, позволяющих установить характер референции в текстах, поэтому в качестве основных категорий для контент-анализа были выбраны следующие, соотносимые с группами лексики, характеризующей информационное поле текста: «антропонимы», «топонимы», «число», «время».

В качестве материала для анализа были взяты тексты следующих авторов:

1) «Опровержение страленберговыхъ нареканій на Петра Великаго» И.И. Голикова. (Текст объемом 20079 словоупотреблений (470 кБ)).

2) «Записка о древней и новой Россіи» Н.М. Карамзина. (20119 (475 кБ)).

3) «Труды по русской истории. 6. Примечания [на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера 1757 г.]» М.В. Ломоносова. (8453 (190 кБ)).

4) «О повреждении нравовъ въ Россіи» князя М. Щербатова. (18509 (415 кБ)).

Как уже было сказано выше, по характеру общей референции все анализируемые тексты связаны с темой Петра I, но соотношение референтных имен в текстах различно. Рассмотрим общее распределение по текстам в процентах названных групп:

Группы	Карамзин	Голиков	Ломоносов	Щербатов
Антропонимы	1.869	1.519	6.365	4.506
Топонимы	3.280	1.848	2.402	1.307
Время	0.934	0.583	1.301	0.529
Число	1.581	1.340	2.981	0.962

Как можно убедиться на основании количественного анализа, распределение тематических групп по текстам весьма неравномерное. Это свидетельствует о различной степени фактографичности текстов. Наиболее высокий показатель по всем тематическим группам наблюдается в тексте М.В. Ломоносова, и на этом основании мы можем сделать вывод о том, что в данном тексте описаны наиболее объемные референтные области с наибольшей точностью. При этом в тексте М.В. Ломоносова, равно как и в тексте М. Щербатова, группа антропонимов почти в три раза превышает группу топонимов, что свидетельствует о большей локализованности референции текста: передаваемая информация связана, в первую очередь, с историческим, хронологическим аспектом. В тексте Н.М. Карамзина, напротив, слова-топонимы встречаются вдвое чаще, что может свидетельствовать о широте географического охвата и об освещении событий, связанных не столько с конкретными людьми, сколько с целыми народами, странами. В тексте И.И. Голикова эти группы примерно равны и невелики по объему. В тексте М. Щербатова общее количество единиц обозначения времени и количества меньше, нежели в текстах других авторов.

Состав групп в текстах названных авторов также различается.

В группе «**Антропонимы**» нами были выделены подкатегории, позволяющие классифицировать все антропонимы по временной и пространственной отнесенности.

Подкатегория «*Российские имена*» включает имена собственные, имеющие отношение к России и российской истории. Это наиболее объемная группа имен (около 250 единиц). Сюда входят имена правителей и политических деятелей, фамилии русских аристократов, ученых, знаменитых женщин. В данной группе можно выделить еще две тематические подгруппы: 1) имена, отражающие события древней истории России, и 2) имена, отражающие события, близкие к эпохе Петра I.

Имена первой подгруппы более частотны и разнообразны в тексте Н.М. Карамзина, в текстах же И.И. Голикова и М. Щербатова такие слова единичны. Это, вероятно, говорит о том, что авторы последних текстов не пытаются охватить всю российскую историю, а сосредоточены на другой задаче – описании царствования Петра Великого.

Имена второй подгруппы в большей степени представлены в тексте М. Щербатова. Это имена русских аристократов, культурных и полити-

ческих деятелей, исторически значимых людей. Примечательно, что именование в текстах М. Щербатова отличается скрупулезностью: он называет не только фамилии, но полные имена и отчества. Чуть менее разнообразен состав анализируемых имен в текстах М.В. Ломоносова. Далее по разнообразию употребляемых имен следует текст И.И. Голикова и наименьшее количество имен наблюдается в тексте Н.М. Карамзина.

На основании анализа можно сделать следующий вывод: текст Н.М. Карамзина ориентирован на освещение всей российской истории, не сосредоточивается только на петровской эпохе. Близок по широте охвата к нему текст М.В. Ломоносова, но все же он в большей степени сосредоточен на описании царствования Петра I. На описание более локального временного периода ориентированы тексты И.И. Голикова и М. Щербатова, при этом М. Щербатов более детализированно воспроизводит исторические частности.

Подкатегория «*Европейские имена*» по объему значительно меньше (около 40 единиц). Большую часть составляют имена европейских ученых (*Вольтер, Лейбниц, Милот* и т.п.), а также имена правителей и политических деятелей (*Карл, Наполеон, Генрих*). Наиболее разнообразны европейские имена в тексте И.И. Голикова, как правило, это имена европейских ученых, к текстам которых обращается автор как к источнику информации. На втором месте по разнообразию употребляемых имен – Н.М. Карамзин, в его текстах встречаются, как правило, имена правителей. В текстах М.В. Ломоносова соотношение этих подгрупп приблизительно равно. В текстах М. Щербатова европейские имена употребляются единично в контекстах перечисления.

Подкатегория «*Античные имена*» включает в себя все имена собственные, которые относятся к периоду античности. Эта группа невелика по объему (20 единиц) и содержит мифологические имена (*Бахус, Дионисий, Елена*), имена писателей и ученых (*Гомер, Феокрит*), имена римских императоров (*Цезарь, Марк Аврелий, Максимилиан*) и т.п. Некоторые имена собственные употребляются в форме множественного числа, что говорит об их предикативной функции – употребление с целью характеристики, оценки. В данном случае мы имеем дело с метафорическим использованием антропонима, так как имеется в виду не конкретный человек, а типичные черты исторической личности, которые переносятся на объект описания. Нужно отметить, что более разнообразные античные имена используются в тексте И.И. Голикова (около 50 % всех имен собственных), затем в тексте М. Щербатова, Н.М. Карамзина и наименьшее количество их в тексте М.В. Ломоносова (около 15 %). Это, по нашему мнению, может свидетельствовать о том, что, во-

первых, история античности была традиционно изучаемой информационной областью. Во-вторых, если столичные ученые располагали большим количеством информационных потоков, то для провинциальных историографов этот был одним из основных, базовых. Нужно отметить, что именно в тексте И.И. Голикова античные имена употребляются в качестве предикатов.

Подкатегория «*Библейские имена*» состоит из имен собственных, которые встречаются в тексте Библии. И здесь наблюдается подобная ситуация: большая часть имен используется в тексте И.И. Голикова, следующий по частотности употребления – текст М.В. Ломоносова. В тексте М. Щербатова библейские имена практически не используются, хотя отсылки к области христианской религии присутствуют в виде прямого называния (Христос, Божий и т.п.). Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что история христианства, библейские тексты также были одной из наиболее доступных традиционных информационных областей.

Подкатегория «*Азиатские имена*» включает антропимы, бытующие на Востоке (*Амурат, Ахмет, Магомет* и т.п.). Это совсем небольшая группа имен, и встречаются они только в тексте И.И. Голикова, так как он привлекает сюжет из истории Турции для сопоставления с историей России. В тексте Н.М. Карамзина встречается только одно азиатское имя – *Батый*, в связи с описанием этапа российской истории.

В результате анализа можно сделать следующий вывод: несмотря на то, что каждый из анализируемых текстов тематически связан с эпохой Петра I, хронологический охват в них различен. То же самое можно сказать и об «антропонимической географии» анализируемых текстов. Можно отметить также, что общая частотность употребления имен собственных не дает истинного представления о широте общей референции текста, информационных потоках, его формирующих: несмотря на то, что в тексте И.И. Голикова фиксируется наименьшее количество употреблений антропимов, их состав более разнообразен тематически, нежели, например, в тексте М. Щербатова.

Состав группы «**Топонимы**» столь же неоднороден, и здесь также оптимальным для анализа будет выделение нескольких тематических подкатегорий.

Подкатегория «*Европа*» включает лексические единицы, имеющие прямое или косвенное отношение к европейской территории. Это названия европейских стран, городов, рек, морей, озер, народов, проживающих на этой территории. Данная группа самая крупная, она включает около 150 единиц. Наиболее разнообразные европейские топонимы употребляются в тексте Н.М. Карамзина (50), затем в тексте М. Щерба-

това (46), И.И. Голикова (40), и наименьшее их количество наблюдается в тексте М.В. Ломоносова (31). Соотношение различных тематических подгрупп в текстах всех авторов приблизительно равно, нельзя говорить о преобладании какой-либо в одном из текстов, что говорит о приблизительно равной географической референтности текстов.

Подкатегория «*Россия*» включает топонимы и этнонимы, относящиеся, соответственно, к территории Российского государства. Это вторая по величине подгруппа (около 70 единиц). Наиболее частотно и разнообразно этот вид лексики представлен в тексте М.В. Ломоносова (40), затем в тексте И.И. Голикова (32), Н.М. Карамзина (28) и М. Щербатова (26). Распределение единиц, входящих в подгруппы внутри текстов, также примерно равно и не позволяет говорить о топонимической специфичности какого-либо из них.

Подкатегория «*Азия*» включает топонимы, относящиеся к территории, на которых проживают народы восточной культуры. Это самая малочисленная группа (около 50 единиц). Географический охват здесь достаточно широк: от близких восточных соседей (*татары, черкасы*) до весьма удаленных (*Индостан, Япония*). В отличие от предыдущих случаев, эти слова существенно преобладают в тексте И.И. Голикова (25), при этом в нем наблюдается приблизительно равное соотношение топонимов и этнонимов Ближнего, Дальнего Востока и Средней Азии. В текстах других авторов количество подобных единиц равно (10–12), при том же соотношении.

Кроме названных подкатегорий, в текстах Н.М. Карамзина, И.И. Голикова и М. Щербатова наблюдаются единичные вкрапления, которые можно отнести к библейским текстам. Данные единицы выполняют в тексте метафорическую, символическую функцию, не являясь, по сути, единицами фактографическими, а выполняя функцию оценочных метафорических предикатов.

В результате анализа группы топонимов можно подвести итоги: географический охват в анализируемых текстах неравномерен. В текстах Н.М. Карамзина преобладают европейские топонимы, и это позволяет говорить о некоторой «географической сфокусированности» повествования. Ближнее распределение наблюдается и в тексте М. Щербатова (46:26:10).

В тексте И.И. Голикова разница между группами не столь велика (40:32:25), что свидетельствует о равномерности «географического взгляда». Ближнее соотношение наблюдается и в текстах М.В. Ломоносова (31:40:10), хотя в данном случае можно говорить о некотором фокусировании на российской топонимике.

Интересным представляется проследить количественное соотношение лексики двух основных категорий (антропонимы/топонимы) в текстах. Текст Н.М. Карамзина ориентирован в большей степени на географичность: количество топонимов (в большинстве своем европейских) почти в 2 раза (1: 1,7) превышает количество имен собственных. Текст И.И. Голикова характеризуется большей пропорциональностью соотношения (1: 1,2). Кроме того, не следует забывать о том, что этот текст отличается бóльшим разнообразием употребляемых антропонимов и топонимов. В текстах М.В. Ломоносова и М. Щербатова наблюдается другая пропорция (1: 0,3) – антропонимов здесь в 3 раза больше, нежели топонимов, это свидетельствует о направленности авторов, в первую очередь, на сюжеты, связанные с отдельными конкретными людьми, на личностную детализацию исторического описания. В большей степени это относится к текстам М. Щербатова, которые характеризуются наибольшим количеством российских антропонимов и наименьшим российских топонимов.

При описании группы «**Время**» мы также можем произвести внутреннюю классификацию единиц и выделить подкатегории: 1) числовое обозначение даты (*1715*); 2) слова, обозначающие временные отрезки (*час, день, сутки, месяц, год* и т.п.); 3) видовые названия определенных временных отрезков (как правило, это названия дней недели и месяцев); 4) слова, косвенно отсылающие к какому-либо хронологическому периоду (общие – *древность, будущее*; конкретные – *опричнина, революция, летопись*). Анализ показывает, что соотношение этих единиц различно в анализируемых текстах.

Наибольшее количество обозначений времени наблюдается в тексте М.В. Ломоносова, но в то же время в этом тексте преобладают слова, называющие дни недели и месяцы, числовая датировка годов представлена в меньшей степени. Это связано с высокой степенью временной концентрированности событий и дневниковым характером изложения: М.В. Ломоносов в дневниковой манере описывает события, происшедшие в дни стрельецких бунтов. Нужно сказать, что текст М.В. Ломоносова отличается высокой степенью временной дифференцированности и четкостью референции. Нужно отметить также, что в этом тексте принят не совсем обычный способ обозначения времени: дата, точное число года приводится по российскому и европейскому исчислению (*17/28 мая*).

Далее по количеству временных обозначений следует текст Н.М. Карамзина, но в данном тексте, напротив, преобладают слова, отсылающие к определенному историческому периоду или событию, и практически не встречается точных датировок. Поэтому можно сделать

вывод о том, что для автора, вероятно, не столь важно установить точную дату события, сколько выстроить модель происходящего относительно общей событийной канвы, соотнести события и тем самым выявить их взаимосвязанность. С одной стороны, числовое обозначение даты события является более точным, но, с другой, смысловое наполнение единиц, обозначающих события, значительно большее по объему, более конкретное, так как число обладает более абстрактной семантикой и вызывает значительно меньше ассоциаций. Определение времени одного события через соотнесенность с другим предполагает некоторое моделирование восприятия, автор как бы «вписывает» событие в другую понятийную область, заставляет посмотреть на него через призму хронологически близких. Дело в том, что числовая датировка представляет своего рода вторичный тип обозначения времени, более первичным является сохранившийся в традиционных обществах способ обозначения времени через событийную канву, так как категория времени на конкретно-чувственном уровне воспринимается в первую очередь через происходящие изменения. При этом, как справедливо отмечает В. Руднев, «жизнь человеческого сознания, представленная в виде событий, есть не последовательность событий, а *система* событий. <...> Хронология лишь частный способ изложения системы событий. Система событий *в целом* задается господствующей в культуре моделью исторического времени, и *каждый раз* тем, кто описывает конкретную систему событий» [8].

Текст И.И. Голикова – третий по количеству временных обозначений, но именно в нем наблюдается самое большое количество числовых датировок по годам (18). В данном тексте практически не встречается косвенных отсылок к историческим событиям и периодам, что, безусловно, свидетельствует о большей фактографической точности текста. Для этого автора представляется важным установление точных временных рамок событий, апелляция к рациональному мышлению, самостоятельному выводу о соотнесенности событий. Использование для обозначения хронологии событий числового ряда – показатель высокого уровня абстрактного мышления, так как в этом случае воспринимающий должен совершить двойную работу по раскодированию информации о времени: актуализировать знания о линейной числовой системе обозначений и соотнести число с событийной системой. В этом случае моделирование системы событий как фоновых и основных оказывается невозможным, читатель должен сам ранжировать события по степени их значимости, опираясь на собственные умозаключения.

В тексте М. Щербатова представлено наименьшее количество обозначений времени, при этом точная датировка используется крайне ред-

ко, более частотна косвенная хронологизация общего характера (*древность, давно*) и обозначение временных отрезков, что позволяет говорить о невысокой степени хронологической точности этого текста. Автор тоже пытается моделировать систему событий, но не относительно некоторого фона, а по отношению к линейной временной шкале, не имеющей определенных границ: прошлое – настоящее – будущее.

Единицы, относящиеся к группе «Числа», чаще употребляются в тексте М.В. Ломоносова, что еще раз подчеркивает высокую степень его фактографичности. Примерно равное количество числительных в текстах Н.М. Карамзина и И.И. Голикова. На последнем месте по количеству числительных находится текст М. Щербатова.

Итак, результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что более фактографичным по указанным показателям является текст М.В. Ломоносова, близок к нему по уровню фактографичности текст И.И. Голикова. Ранее мы говорили о том, что именно этот показатель является одним из основных для определения степени научности текста. Как можно убедиться, данный параметр проявляется в текстах как столичных (М.В. Ломоносов), так и провинциальных (И.И. Голиков) историографов. Текст Н.М. Карамзина представляет собой другой тип подачи информации, и это особенно ярко проявляется в отношении моделирования передачи времени. Такой тип передачи носит, скорее, литературный характер, хронологизация в нем осуществляется за счет референции к другим историческим событиям и явлениям, вследствие чего выстраивается событийная система, характерная для построения литературного произведения, где существует противопоставление *фабулы* (хронологического порядка событий) и *сюжета* (значимого для автора порядка событий) [Руднев]. Текст М. Щербатова в этом аспекте представляется наименее фактографичным, так как содержит в основном общие отсылки к продолжительным хронологическим периодам.

Второй составляющей информационного поля текста, как уже говорилось выше, является характер цитации – привлечение других информационных потоков для аргументации в тексте. Цитаты привлекаются с разными целями: для подтверждения позиции автора, опровержения мнения оппонента и т.п. Отношение автора к цитируемой информации позволяют определить языковые конструкции, вводящие цитату.

Источники цитаты могут быть выявлены с помощью применения методики контент-анализа (автоматизированной и традиционной). При этом, во-первых, необходимо определить круг авторов, чьи тексты привлекаются в качестве источника информации, и для этого может быть использована методика автоматизированного контент-анализа. Во-вторых, необходимо определить принадлежность цитат в тексте и их

авторскую оценку, а для этого необходимо прибегнуть к традиционному варианту контент-анализа.

В этом случае в качестве единицы анализа (цитаты) мы принимаем два способа использования текста, принадлежащего другому автору с указанием на такового. Это 1) *цитация прямая* – оформление чужой речи как прямой, заключенной в кавычки; 2) *цитация косвенная* – передача сообщения не оформляется в виде прямой речи, но указывается автор информации и, как правило, используется сложноподчиненное предложение изъяснительного типа.

Результаты анализа позволяют сделать следующие выводы.

Автоматизированный контент-анализ позволил сделать вывод о том, что наибольшее количество имен ученых упоминается в тексте И.И. Голикова, что свидетельствует об активном привлечении к формированию системы аргументации информационных потоков научного характера.

Традиционный контент-анализ позволяет говорить о том, что в этом же тексте встречается самое большое количество цитат (72). При этом цитаты, как правило, оформляются традиционно – по вышеописанным правилам с обязательным указанием автора. В тексте И.И. Голикова может быть выделено несколько видов цитации:

– цитация прямая с указанием автора и источника (*Г. Штелингъ въ любопытныхъ и достопамятныхъ Сказаніяхъ о Петре Великомъ, стр. 344*).

– цитация с указанием на автора текста, который, в свою очередь, является указанием на сам текст (*Истину Павелъ Св. пишетъ*).

– цитация с указанием на автора, но без указания на источник (*Двумъ духовникамъ своимъ Царевичъ о желаніи своемъ скорой смерти родителю своему на исповеди объявилъ, и не только отъ нихъ разрешень, но одинъ изъ нихъ, а именно Петропавловскій Протопопъ Яковъ, на то ему сказалъ: мы-де и все желаемъ ему смерти; Богъ тебя проститъ*).

Нужно отметить, что подавляющее большинство цитат в этом тексте относятся к первому типу и совпадают с современным типом цитации в научном тексте. Таким образом, можно сделать вывод о том, что текст И.И. Голикова является не только фактографически обоснованным изложением событий, но автор использует в качестве системы аргументации ссылку на источники информации, анализирует мнения других ученых и именно на этой основе делает выводы.

Через цитацию в тексте можно определить информационные потоки, влияющие на формирование текста. Во-первых, это основной цитируемый текст, текст-оппонент, ради ответа на который создает свое ис-

следование И.И. Голиков, а именно «переводъ одной книги, напечатанной въ 1730 году въ Стокгольме на Немецкомъ языке. Авторъ оной былъ Шведскій офицеръ *Филипъ Иоганъ Страленбергъ*, писавшій ее въ Россіи во время плена своего». К тексту-оппоненту примыкают другие источники, содержащие **негативную** информацию и моделирующие образ Петра I, который не соотносится с представлениями И.И. Голикова.

Во-вторых, кроме вышеуказанных существует ряд текстов, на которые опирается автор при моделировании **позитивного** образа Петра: Ломоносов, Сумароков, Милот, Фонтенель. Кроме того, в качестве источника И.И. Голиков привлекает первичные материалы: тексты писем самого Петра Великого и его сына Алексея Петровича.

Результатом такого подхода к созданию научного текста является аргументированное опровержение образа Петра, представленное в тексте Страленберга, и создание собственного внутритекстового, объективируемого за счет привлечения большого количества источников.

Текст Н.М. Карамзина содержит около 22 цитат, но в нем нет детализированной ссылки на источник информации, чаще указывается только автор («*Въ Монархіи*», пишет *Монтескье*: «должно быть хранилище законов»). Такой способ выстраивания аргументации производит впечатление меньшей достоверности, которое усиливается за счет использования псевдоцитации: литературно-художественного приема, при котором предположительная неточная информация, пересказанная автором, оформляется в виде цитаты (*Шуйскій* изъяслять твердость: «Возьмите венецъ Мономаховъ, возложенный вами на главу мою, или повинуйтесь мне!»), говорил онъ *Москвитянамъ*. *Лекарь Французъ* и несколько пьяныхъ *Гренадеровъ* возвели дочь *Петрову* на престоль величайшей *Имперіи* въ міре, съ восклицаніями:). Источник подобной информации не указывается, что свидетельствует о литературном способе моделирования описываемой ситуации. С другой стороны, за счет использования этого приема возникает эффект драматизации – оживления описания, стимулирование эмоционального восприятия текста. Источники информации, которые можно выявить на основе анализа цитации, таковы: французские ученые, французские правоустанавливающие документы (Кодекс Наполеона). Кроме того, в тексте часто встречаются обобщения, где в качестве автора цитаты выступают целые народы – метонимический объект (*сказали имъ Чудь и Славяне*), либо автор цитаты не является человеком – метафорический объект (*Исторія назвала Минина и Пожарскаго «спасителями Отечества»*). Такого рода метафорические и метонимические

обобщения характерны прежде всего для литературного текста, они также представляют собой способ моделирования информации в тексте.

Текст М.В. Ломоносова не содержит точных цитат – ссылок на источник информации, хотя прием псевдоцитации используется автором очень активно (*Стрельцы, бывшие внизу, непрерывно кричали: «Да здравствует наш государь Иван Алексеевич и наш царевич Петр Алексеевич, и да погибнут изменники!»*). Но каков источник информации, которой оперирует автор, читателю не известно. По характеру цитации текст М.В. Ломоносова представляет собой скорее художественное освещение событий, нежели научное описание, – источники информации выявить невозможно. Единственный источник, на который есть ссылка, – это Рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера 1757 г. Данный источник заявлен в заглавии текста М.В. Ломоносова и является для М.В. Ломоносова текстом-опponentом – текст, порождаемый Ломоносовым, – это ответ на неточности и неправильности (как их понимает М.В. Ломоносов) текста Вольтера.

Текст М. Щербатова в этом аспекте сходен с текстом Ломоносова, но в нем совсем не используются цитаты и ссылки на источники информации, только псевдоцитация. Единственный источник информации – сознание автора текста. Таким образом, этот текст – свободное изложение авторского видения ситуации, сложившейся в российской истории, субъективная интерпретация фактов, источник которых не представлен. Внутритекстовая достоверность такого текста минимальна и может быть определена с точностью только культурологическими, историографическими методами.

Таким образом, анализ вышеуказанных параметров позволяет сделать предварительные выводы об информационных полях анализируемых текстов.

1. Информационные поля представленных текстов не совпадают и оказываются смещенными относительно друг друга.

2. Наибольшей фактографичностью и точностью отличаются тексты М.В. Ломоносова и И.И. Голикова.

3. По составу и характеру цитации, выстраиваемой системе аргументации наиболее полным и достоверным представляется информационное поле текста И.И. Голикова.

Анализируя цитацию в текстах, мы уже затронули проблему моделирования восприятия информации в текстах и степень субъективности авторского взгляда на излагаемое. Значимым параметром для определения степени ориентации текста на рациональное и эмоциональное восприятие является *оценка*, выражаемая с помощью оценочных прилагательных.

тельных и существительных. При проведении контент-анализа были выделены еще две категории: **рациональная оценка** и **эмоциональная оценка**. Результаты анализа показывают следующее распределение оценочности в текстах (данные представлены в процентах):

Группы	Карамзин	Голиков	Ломоносов	Щербатов
Рациональная оценка	6.894	9.292	6.483	8.515
Эмоциональная оценка	2.254	1.742	2.406	2.631
Сумма	9,148	11,034	8,889	<u>11,146</u>

Несмотря на то, что во всех текстах уровень рациональной оценки превышает по количеству эмоциональную, самый высокий показатель рациональной оценочности наблюдается в тексте И.И. Голикова. Степень оценочности этого текста вообще довольно высока, что свидетельствует о его аналитическом характере – для автора важно не просто передать информацию, но и дать ее анализ. Этот текст наименее эмоционален, тяготеет к рациональности, аналитизму.

В наибольшей степени эмоциональная оценка выражена в тексте М. Щербатова при общем самом высоком уровне оценочности. Действительно, текст очень насыщен эмоционально и содержит много единиц, выражающих субъективное отношение автора (*пожирателей, увертливый, проницательный, кровожадный, дакальщик, дурак* и т.п.).

В текстах Н.М. Карамзина и М.В. Ломоносова количество и соотношение рациональной и эмоциональной оценок приблизительно одинаково, но при этом невысок уровень рациональной оценки.

Таким образом, можно сделать вывод, что по критерию рациональной аналитичности наиболее показательным является текст И.И. Голикова. Тексты Н.М. Карамзина и М.В. Ломоносова сочетают в себе черты аналитичности и публицистичности. Текст М. Щербатова при общем высоком уровне оценочности тяготеет к эмоциональному воздействию на читателя.

Коммуникативная организация текстового пространства – еще один параметр, позволяющий оценить субъективные психологические установки автора текста. Аспекты коммуникативной организации могут быть выявлены через соотношение в тексте различного рода грамматических показателей, в частности *местоимений* (личных, указательных, определительных), а также *противительных союзов*.

Названные единицы являются маркерами индивидуального стиля автора, их использование специфично и позволяет выявить глубинные семантические категории, которые обычно менее проявлены, нежели

семантические категории, репрезентируемые внешним лексическим составом текста.

Мысль о том, что индивидуальность авторского стиля проявляется не столько в использовании очевидных лексических или фразеологических маркеров, сколько в специфике употребления общеязыковых форм, возникает в начале XX века и успешно разрабатывается в русле такого направления лингвистики, как лингвистическая экспертиза, и, в частности, при решении задачи авторизации текста [3, с. 12]. Поиски решения проблемы авторизации приводят к выработке количественных методик обработки текста в области психолингвистики и определению психологических параметров личности автора [3, с. 28]. Какая же субъективная информация об авторе текста может быть выявлена? Например, анализ личных местоимений позволяет определить специфику моделирования автором коммуникативной ситуации – его способ взаимодействия с читателем, так как семантика личных местоимений ориентирована на передачу информации об участниках коммуникативного акта. Местоимение первого лица единственного числа (Я) – это всегда субъект речи, саморепрезентация автора, которая реализует категорию *эксклюзивности* – направленности говорящего на себя [2, с. 273]. Местоимение второго лица единственного и множественного числа (Ты, вы (Вы)) – это адресат, второй полноценный участник коммуникации, к которому обращается субъект, или реализация отношений *внутри личной сферы*. Вместе они составляют семантику *личной коммуникативной сферы*, которая реализуется в тексте в виде местоимения первого лица множественного числа (Мы) [2, с. 278]. Включение адресата в личную сферу говорящего является одной из форм моделирования объективного характера информации – репрезентируемая в тексте мысль принадлежит уже не личности, а «коллективу» и является совместной, а, следовательно, более объективной. Именно этот аспект семантики местоимения ведет к тому, что оно в настоящее время является нормативным для научного стиля речи, используемого при продуцировании научных текстов.

Употребление местоимений второго лица также маркирует коммуникативную активность автора, так как привлекает внимание собеседника наряду с употреблением указательных местоимений, выполняющих дейктическую функцию – указание определенной области референции, таким образом внимание адресата фокусируется, направляется на определенный фрагмент реальности.

Местоимение третьего лица единственного и множественного числа (Он, Она, Они) маркирует объект речи, не входящий в личную сферу говорящего, то, что является чужим [2, с. 275]. Как правило, частот-

ность употребления этого местоимения также свидетельствует о дейксисе.

Противительные союзы говорят о специфике моделирования передачи информации: автор не просто предлагает некоторый тезис, но выстраивает его как антитезис по отношению к некоторому факту, тексту, существовавшему до момента речи. Автор выстраивает свою речь как оппозицию, и в этом проявляется такая категория, как *конфликтность* текста.

Категория конфликтности тесно связана с категорией *категоричности*, проявляющейся в употреблении определительных (*все, всякий, любой*) и отрицательных (*никакой*) местоимений, имеющих противоположную семантику неопределенного и нулевого множеств. Чем больше частотность определительных местоимений, тем выше уровень категоричности текста, что свидетельствует о негибкости коммуникативных, интеллектуальных установок автора.

Итак, проведенный анализ позволил установить следующее распределение указанных единиц в текстах (в процентах).

Группы	Карамзин	Голиков	Ломоносов	Щербатов
Я	0.224	0.941	0.166	0.492
Вы	0.104	0.110	0.071	0.027
Ты	0.040	0.169	0.071	0.043
Мы	1.551	0.518	0.556	0.146
Они	2.678	5.702	5.927	5.171
Прот. союз	1.591	2.052	1.041	2.350
Указ. мест	2.311	5.762	3.514	3.593
Все	0.890	1.599	1.136	1.162

Как можно убедиться, наибольшая частотность местоимения «Я» наблюдается в тексте И.И. Голикова, она намного превышает использование этой единицы в текстах Н.М. Карамзина и М.В. Ломоносова. Местоимение «Мы» более частотно в тексте Н.М. Карамзина, «Ты/Вы» – в тексте И.И. Голикова, «Они» – М.В. Ломоносова.

Полагаем, что подобное соотношение может быть проинтерпретировано следующим образом. Для И.И. Голикова очень важна организация коммуникативного пространства собственного текста: реализация личностной сферы и внимание собеседника, поэтому наряду с частотностью местоимения 1-го лица наблюдается высокая частотность местоимений 2-го. Автор привлекает внимание к содержанию сообщения, об этом свидетельствует и столь же значительная частотность указательных местоимений, поэтому мы можем назвать позицию автора в этом тексте дискурсивно активной, он последовательно и уверенно вы-

ражает свою позицию. Высокая частотность противительных союзов говорит об оппозиционном, диалогическом выстраивании текста, что подтверждается заглавием текста и его выстраиванием в виде диалога с текстом Страленберга, некоторой его конфликтности. Но, помня о высоком уровне рациональной оценки в тексте, мы можем назвать этот конфликт рациональным, когнитивным. Для автора очень важно выражение своего научного мнения, и он желает быть услышанным и понятым.

Текст Н.М. Карамзина характеризуется высокой частотностью местоимения «Мы», остальные показатели не столь значительны. Это говорит о спокойной, ровной позиции автора, он уверен в своей личной сфере и репрезентирует ее через видение объекта описания. Он не столько стремится направлять внимание собеседников на интересующие его факты через указание, сколько пытается вовлечь их в сферу своей мысли, приобщить к порождению совместного концепта. Об этом свидетельствует и относительно высокая частотность местоимения 2-го лица. Автор полемизирует (значительная доля противительных союзов), но это не составляет непосредственной задачи в данном тексте. Низкая частотность определительных местоимений выступает как маркер коммуникативной гибкости автора – он создает впечатление открытости для коммуникации.

В тексте М.В. Ломоносова наиболее частотным местоимением 3-го лица, что может свидетельствовать о направленности на объект описания, а не на коммуникацию, об этом же говорит низкая степень частотности других личных местоимений, противительных союзов и определительных местоимений.

Текст М. Щербатова отличен от предыдущих по количеству противительных союзов, что говорит о высоком уровне его конфликтности, еще один показатель – категоричность автора. Но в отличие от И.И. Голикова, М. Щербатов не моделирует коммуникативную ситуацию: его коммуникативная активность (местоимения 2-го лица) и уровень совместности (местоимение 1-го лица мн. числа) крайне низки. Последний показатель в 10 раз меньше, чем у Н.М. Карамзина. Принимая во внимание высокий уровень эмоциональности в тексте, мы можем сделать вывод о том, что автора интересует в первую очередь реализация собственной эмоциональной сферы, внутренний эмоциональный конфликт, который он стремится разрешить путем продуцирования научного текста.

Проведенный анализ подтверждает предположение о том, что провинциальная историография (в частности, в лице И.И. Голикова) становится во второй половине XVIII века полноправной участницей превращения исторических знаний в науку. Она не может быть сведена к краеведению, так как проблематика работ провинциальных историков

значительно шире. Это не только «местные истории», но и попытки заглянуть в наиболее значимые, с их точки зрения, события общерусского масштаба. Об этом свидетельствуют результаты контент-анализа: информационное поле текста И.И. Голикова не уступает по степени информативности и достоверности текстам столичных историографов.

В работах провинциальных историков нашли отражение массовые представления о прошлом. В сознании людей этого времени уже начинает складываться определенное понимание историзма, что делало их представления о прошедшем и настоящем времени более объемными, помогало вернее оценить свое время и события русской и мировой истории. В конце XVIII столетия делались первые попытки связать в единый исторический процесс старое и новое, определить «пользу» исторических знаний, их практическую и воспитательную роль, выяснить политический опыт истории – одним словом, наблюдался переход от «писания истории» к ее «изучению», что мы и наблюдаем как анализистизм историографических текстов данного периода.

Исторические знания приближались одновременно и к запросам практической жизни, и к науке. В связи с этим возростала роль исторического источника, что проявлялось в постановке задачи критики источника.

Но специфической чертой провинциальной историографии являлось то, что для провинциальных историков характерно было чувство некоторой социальной неполноценности, связанное, очевидно, с отсутствием упорядоченного образования и своеобразным провинциализмом. Они считали себя не вправе претендовать на толкование общероссийской истории, но в оценке местных событий прошлого проявляли спокойную уверенность и демонстрировали собственное превосходство над столичными авторитетами. Провинциальные историки принадлежали к числу непрофессиональных историков, получивших домашнее образование и самостоятельно развивших свой интерес к истории. Вместе с тем провинциальная историография второй половины XVIII века, если и уступала «большой», имперской, то лишь в мастерстве интерпретации источников и в применении приемов их исследования. Она отличалась широтой и разнообразием привлекаемых материалов.

Результаты проведенного анализа подтверждают, что провинциальная историография не уступала историографии столичной в объемности и аналитичности взгляда на исторические события, а в некоторых аспектах и превосходила последнюю.

Таким образом, на основании всего проведенного анализа можно сделать вывод о том, что использование междисциплинарного подхода к анализу историографического источника позволяет выявить различ-

ные уровни информационного моделирования в тексте: представление объективной информации и передачу субъективных смыслов. Данные методики делают возможным выявление глубинной семантики, передающей информацию об авторе текста.

Проведенный анализ позволяет также сделать вывод о том, что информационный, междисциплинарный подход расширяет возможности историографического исследования, актуализирует возможность применения комплексных историко-лингвистических методов для работы с историографическими источниками. Комплексные методы исследования информации позволяют изучать не только зафиксированную в историческом источнике информацию, но и ее природу, механизмы возникновения и движения информации в истории и другие вопросы, связанные с пониманием сущности исторической информации. Проведенное исследование подтверждает, что «чисто историческое» исследование сегодня невозможно: даже в области нарратива историк оказывается связан с лингвистическими методами, методами текстологического анализа, без которых работа с текстовыми источниками не может быть эффективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
2. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Уч. пос. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
3. Батов В.И. Другому как понять тебя? М.: Знание, 1991.
4. Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1971.
5. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 227 с.
6. Можяева Г.В., Котляров А.Н. У истоков провинциальной историографии // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 3. Серия: Правоведение. История. Томск, 1997.
7. Можяева Г.В., Мишанкина Н.А. Историко-лингвистический анализ в изучении русской историографии второй половины XVIII века // Гуманитарная информатика: Сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 97–112.
8. Руднев В. Феноменология события // Логос. 1993. № 4.
9. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Ярославль, 1988.
10. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58, № 4. С. 28–38.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ЧАТ-РОБОТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ГОВОРЕНИЯ